

ІСТОРИКО-ТЕОРЕТИЧНІ АСПЕКТИ ЛІТЕРАТУРНОГО ПРОЦЕСУ

УДК 820

Н.А. ХЛЫБОВА,

*кандидат филологических наук,
заведующая кафедрой иностранных языков
факультетов гуманитарного профиля*

Таврического национального университета им. В.И. Вернадского

ВИКТОРИАНСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ: АМЕРИКАНСКИЙ ВЗГЛЯД XX ст.

В статье продемонстрирован один из неоднозначных взглядов на подход к интерпретации классического наследия Викторианской эпохи. Была предпринята попытка показать на примере исследования викторианской литературы суть интерпретационной тактики и динамики Дж.Х. Миллера как критика в целом.

Ключевые слова: викторианские исследования, интерсубъективность, критика сознания, деконструкция, риторическое прочтение.

При рассмотрении динамики интерпретационной деятельности Дж.Х. Миллера как представителя академической американской литературной критики XX в. были выявлены наряду с фундаментальными изменениями определенные общие предпосылки общего движения герменевтической мысли американского литературоведения. Это своеобразные «несущие конструкции», детерминирующие в своей основе динамические трансформации как направления американской литературоведческой мысли в целом, так и критики Миллера в частности. Структура и природа этих детерминант приобретает в разных аналитических парадигмах различные познавательные модусы выражения. Подробное исследование – дело больше теории литературы. Но в общем их масштабность находит подтверждение в выходе за пределы одной американской национальной традиции. Способность закрепляться глубоко в интерпретивной практике отражена не в одной исследовательской работе.

Разбору философских основ, разделяющих и соединяющих гетерогенные феноменологические и деконструктивистские корни, мы уже уделяли некоторое внимание. В данной статье произведена попытка показать на примере первого объекта – викторианского исследования – динамику Миллера как критика в целом.

Бёркианский и эмерсонский «новокритический» интерес к силе слова и метафизический подход, довлевший в начале пути формирования интерпретационной практики исследователя, наложил свой отпечаток и на последующие фазы развития миллеровской критической мысли. Ценность этих предеконструктивистских прочтений викторианской литературы считается, возможно, наименее противоречивым аспектом его критики. Более того, они всемирно приняты и уже на протяжении шестидесяти лет входят в академическое обязательное изучение как вариант тщательного и профессионально конкретного, дидактического прочтения классики. Привлекшая большее внимание деконструктивистская практика этических и риторических прочтений расширила круг его почитателей и оппонентов,

при этом, не оставляя равнодушными ни по частотности, ни по активности хвалебных и язвительных отзывов. Постдеконструктивный этап больше охарактеризовался сдержанным уважением к регалиям и заслугам, преклонением перед мэтром.

Единственное, что может объединить все эти периоды и перед сторонниками и перед критиками – это признание неоднозначности и оригинальности, непохожести Миллера в каждом из них. Выход за принятые рамки и феноменологии (при повышенном интересе к тексту и его деталям), и деконструктивизма (при отказе от единого образующего центра и поиске многочисленных прочтений, все же поиск общих и индивидуальных черт все той же инаковости, другости («otherness»)), при интерпретации и исследовании, как произведений, так и их создателей. Подобная деконструктивистско-феноменологическая игра с открытыми правилами для широкого спектра междисциплинарных пересечений и синкретических узлов является сутью американского ученого. Деконструктивная – по методологическому подбору действий и механизмов исследования, феноменологическая – по своей природе. И все эти противоречия и идиосинкразии миллеровского деконструктивистского этапа вырастают непосредственно из тех выдающихся описаний викторианской литературы. Вся деконструкция критика выстроена на его чувстве и осознании всей формы викторианской литературы.

Восприятие Миллером литературной критики, несмотря на все кардинальные, или внешне условно таковые, изменения, осталось на позиции первого предложения книги о Т. Гарди (1970 г.) как «языка о языке» или перевоссоздании в сознании критика сознания, вписанного в изучаемые тексты, оживляемого словами [7, с. 1]. Сейчас мы уже можем добавить, критика и читателя. И того, и другого компетентного и этически ответственного за выбор этих слов при воссоздании замысла автора, вложенного в произведение авторским сознанием. Можно провести сравнение с утверждениями в начале таких произведений как «The Disappearance of God» и «The Form of Victorian Fiction» соответственно: «Хотя литература состоит из слов, эти слова олицетворяют состояние разума и представляют доступ другим сознаниям» [3, с. 9]; «посредством акта прочтения читатель пытается идентифицировать себя с другим разумом и пережить изнутри чувства и мысли этого сознания» [4, с. 2].

Можно признать, что Дж.Х. Миллер своими феноменологическими изысканиями (вслед за Ж. Пуле) придал американской новокритической мысли новый импульс, новую цель. Литературный язык в своих различных формах стал представлять формы сознания, их модусы. Ученый далее стал варьировать их соотношение и первоочередность. Миллер отмечает «центральную тему большей части литературы, особенно художественной прозы, – взаимную игру сознания с сознанием... тему интерсубъективности...» [6, с. 31]. Он намеренно соединяет метод и тему. Видит «роман в качестве структуры интерпретирующих сознаний: сознания нарратора, при его погружении в сознание героев, и сознания героев, при их осознании друг друга» [4, с. 2]. Роман в своем описании интерсубъективности отражает критический опыт его каждый раз, один разум имеет доступ к мыслям другого.

Для Миллера интерсубъективность – не просто форма всех романов. Она играет особую роль и в викторианской культуре, и в викторианской художественной литературе. Выходя за пределы ранее провозглашенного викторианского опыта исчезновения Бога, Миллер считает, что «развитие Викторианской художественной прозы – движение от предположения, что общество и личность основаны на какой-то сверхчеловеческой силе вне их, к открытию, что общество, оказывается, самосозидающим, самоподдерживающимся, не основывающимся ни на чем за своими пределами» [4, с. 30]. Особая версия искусной, самостоятельной социальной поддержки заключается в факте искусственного создания романом опыта интерсубъективности. Это создание условно, так как оно исходит из реакции художественной литературы на онтологический пробел в реальности. В «Исчезновении Бога» критик определил всех людей XIX века как отчужденных от Бога, от природы, от своих братьев, от самих себя [3, с. 8]. В «Форме викторианской художественной прозы» он описывает это положение как составляющий опыт Викторианского авторства: «Каждый из этих романистов начинает тем или иным способом в изоляции от общества» [4, с. 53]. Роман предлагает искусственную версию интерсубъективности. И эти изолированные личности могут воспользоваться хитростью, чтобы пережить то, что неотъемлемо имеет отношение к обществу: «написание произведений художественной литературы – косвенный их

путь вновь войти в этот социальный мир, из которого они были исключены или в который они боятся войти напрямую» [4, с. 63].

При обобщении феноменологического опыта человеческого времени Миллер пишет об опыте intersubjectивности, который он объявил особой характеристикой викторианского времени. Соответственно, его версия этой формы интерпретации порождала вызовы викторианской литературе, которые, по крайней мере, казались ценными по-своему, делая противостояние его теории менее значимыми. Миллеровская версия викторианской intersubjectивности подняла особенные вопросы критики сознания. Когда Миллер заявляет, что «посредством двойного смещения, смещения в зеркально отраженное общее сознание и смещение в сознания главных героев, многие характерные викторианские романы показывают, что общество больше не имеет трансцендентного происхождения и поддержки» [4, с. 139–40], он все еще пишет как критик сознания, еще не как деконструктивный критик. Но сознание, которое он определяет, является тем, которое он видит в качестве изолированного и бесконечного. Опыт intersubjectивности для викторианцев является особенно художественным, вымышленным. При соединении темы с методом Миллер поставил теме гораздо больше исследовательских вопросов, чем критики его феноменологического периода. Если субъективность является художественным вымыслом, который компенсирует онтологическую реальность беспочвенной изоляции, на каком основании может далее эта форма критики выносить заявления как составляющая опыт критика в пределах авторского разума? Комментирование по поводу викторианской субъективности не вызывает необходимости принимать его онтологические или эпистемологические заявки. Но прочтение Миллером викторианской литературы и культуры было влиятельным, по крайней мере частично, потому что оно помогло узнать, что своими версиями литературной формы викторианцы принимали участие в действительно современных им модусах литературы и идеологических опросах, также как и они представляли неосознанные формы благочестия и формальной уверенности. Не только то, что их сомнение было больше впечатляющим для современников, чем для предшественников, но и то, что сосредоточение на сомнении выглядит отчасти наивно и сентиментально. В этом свете утверждение intersubjectивности, как явно доступных взглядов подобно отказу столкнуться с вопросами, которые уже поставили викторианцы.

Далее, прежде всего, стоит заметить, что миллеровское переключение внимания на «структурные, синтаксические и метафорические детали языка» само по себе не составляет какого-либо нового лингвистического перехода в его критике. Обсуждение в «Форме Викторианской художественной прозы» неопределенного зеркального отражения и его работы в «Our Mutual Friend» явно вошло в конституирующую силу языка [4, с. 34–41]. Все изменилось так из-за приоритета языка, от него нельзя перейти к сознанию.

Миллеровский поворот к деконструкции дал языку логическую функцию в его критике сознания, хотя обычный взгляд состоял в том, что деконструктивная вера в приоритет языка отрицает возможность веры сознание и внутреннее «я». Кажется, Миллер просто заменил сознание языком как собственно предметом литературного изучения: «Всегда отличают значение в языке, всегда в отходе от настоящего к более несуществующему. Если язык больше составляет сознание, чем наоборот, тогда такие критики правы, которые считают, что структурные, синтаксические и метафорические средства языка являются собственно предметом литературной критики, а не состояние сознания, которое они больше производят (генерируют), чем отражают» [6, с. 52]. Миллер, в отличие от Ж. Деррида, если говорить о рамках деконструкции, явно соотносит язык с мимикрической формой происхождения, и эта приоритетность придает ему способность играть определенную роль в заново реформированной критике сознания. Сознание является иллюзорным (развенчивающим) концептом, созданным механизмом буквального восприятия фигурального языка. Для Миллера, так как художественный язык викторианского романа создает своей искусственной выдумкой intersubjectивность, на которой общество может основываться, язык сам создает сознание. Критик утверждает, что «нет буквального языка сознания, внутреннее «я» являет собой фигуру или последствие языка» [8, с. 201]. И снова можно заметить, что «я» – не обман, а эффе́кт.

Сознание – просто первопричина. С этой точки зрения миллеровское наиболее догматическое деконструктивистские заявления получают совсем иное звучание. Миллер часто показывает приоритет риторического на несколько большей основе, чем аналогия между риторической структурой и структурой философского концепта, который он хочет заменить. Но если язык – это определяющее, тогда аналогия была бы достаточным свидетельством риторического приоритета. Определяющая сила языка также означает, что вымысел отдельной личности не является отсутствием личности. А иным базисом для него. И, наконец, наиболее важное, это значит, что обращение к структурам литературного языка предоставляет критику доступ к сознанию, потому что они создают это сознание в первую очередь. Ни в коем случае не отрекаясь, эти критики сознания посредством его версии лингвистического поворота деконструкции, Миллер создает основу, по которой критик языка может действовать как критик сознания.

Появление вновь в миллеровской деконструкции викторианской тематики, в которой находится отклик отчуждению, уходу в пустой мир посредством искусно выстроенной интерсубъективности художественной прозы, уже свидетельствует само по себе о его видении метафорической игры создающего значения больше своей собственной фигуральной системы, чем отношения к ней. Литература в общем и роман в частности, может трансформировать свою мнимую, показную гетерогенность в новую форму сознания. До перехода к миллеровскому позитивному воссозданию общего повествовательного сознания посредством деконструкции в «The Form of Victorian Fiction» следует проследовать за ним через распространение негативной правды художественного вымысла до положения критика, интерпретирующего роман. Книга «Fiction and Repitition» далека от доказательства, что деконструкция придала Миллеру больше способности «тщательного прочтения», в основном повторяет прочтения ранней миллеровской критики, просто помещая критика в открытии художественной литературы. Работа подытоживает значение «Henry Esmond», например, как иронического описания нарратора, «который открывает, что ни один другой человек не может стоить его поклонения, но которому не удастся применить это открытие к себе». В этой иронии У.М. Теккерей ставит под сомнение какой-либо личности оказываться вне времени и достигать всецелого понимания: «Для Теккерей, как и для других основных романистов Викторианской эпохи, человек остается внутри времени и не может избежать его заключения в пространство. Вездесущность возможна только для нарратора, который является коллективным разумом» [4, с. 24]. В «Fiction and Repitition» Миллер предлагает в основном аналогичное прочтение романа, на этот раз расширяя его ироническое применение до автора и критика [2, с. 75–76]. Чтение романа как проявление определенных проблем осознания, сознания и знания остается тем же.

На самом деле, Миллер даже не приостанавливается ни на минуту в своих оригинальных аргументах по созданию интерсубъективности общим нарратором. Он и не мог бы. В ранней критике, так как авторы уже осознавали отсутствие собственной власти или знания в качестве отдельных человеческих существ, Миллеру приходилось объяснять их обращение к художественным призывам общего сознания в свете этого знания. Это явно присутствует и в новой теории. Ответ, и в ранней, и в поздней критике, оказывается принятым в литературе того, что обычно считают ошибочным в реальности. Так, даже хотя Гарди, подобно своим героям, учится видеть существование как искажение и желает уничтожения вместо своего ухода. Гарди воссоздает в литературе значительность того, что отсутствие Бога определяет: «Точно как Гарди в своих стихах настаивает на существовании и духов прошлого, играя при этом роль традиционно назначенного богом, так в своей функции в качестве художника-хранителя он является ближайшим к божеству, который существует в его вселенной. Он, тем не менее, – воображаемое божество, бог, который существует только на расстоянии от реальности, поддерживаемый в литературе тем фактом, что состоит больше из непосредственных слов, чем непосредственных фактов» [6, с. 268]. Как Теккерей создает, отделяя общее сознание от вездесущего повествования, так Гарди создает в вымысле то, что считает пустотой в мире, образец спасения, которого не хватает в мире.

Преподнося это, Миллер в свой деконструктивистский период настаивает, что художественная литература раскрывает нереальность внутреннего «я» и значения. Можно было бы посчитать, что больше она не играет той роли, которую он ранее придал вымыс-

лу Гарди. Но вместо этого, точно так же как викторианские авторы обратили художественную литературу в искусные утверждения, Миллер заставил критиков и читателей обратиться к романам как защите от реальности, созданной из принятия ими существующей пустоты. Оспорив то, что роман деконструирует нашу веру в главного героя и внутреннее «я», даже если он полагает, что мы неспособны избежать этой веры, Миллер разворачивает центр внимания и показывает деконструкцию, защищающую это утверждение: «Моя гипотеза такова: роман, как вечное связывание и развязывание узла внутреннего мира «я» («selfhood») ради укоренения, в физической экономике личности и общества, вымысла, художественно ставя этот вымысел под сомнение... роман демонстрирует в безопасной области, где нет ничего серьезного поставленного на карту, способность поддерживать вымышленность внутреннего мира «я» в тисках признания, т. е. в художественной проекции»¹.

Хотя ни критик, ни читатель не может исходить только из интерсубъективности теории прочтения раннего Миллера, все же здесь художественная литература выходит своей вымышленной интерсубъективностью обратно к критику, читателю и обществу. Хотя литература деконструктивно вымышленность внутреннего «я» утверждением этой вымышленности в качестве достаточной основы для него, она (интерсубъективность) немедленно отсылает нас назад к тому, что, казалось, уже не существует. Оставив приоритет сознания, Миллеру удается, тем не менее, заново воспроизвести воссоздание сознания его ранней критики посредством литературного языка, даже если это гораздо более хрупкая версия сознания.

В практической плоскости Миллер находит в деконструкции и викторианской реализации божественного отсутствия соразмерность, соответствие между негативной правдой языка и внутреннего «я». Констатируется постоянное появление викторианских искусно построенных реакций, в частности построение через повествование общего сознания в определенном положительном оттенке, Миллер подает их негативную правду. Эта правда может функционировать и позитивно. В любом случае она остается правдой. Таким образом, здесь проявляются противоречия его деконструктивистской методологии как воплощения того Викторианского культурного противоречия, которое он описал. К викторианским исследованиям Миллер привносит еще один аспект позднее – его называют этикой чтения. Стоит заметить, что моральное значение всегда было присуще культурной и литературной истории «The Disappearance of God» и «The Form of Victorian Fiction».

Таким образом, многосторонность обращения к такой сложной классической теме как викторианские исследования неизбежно констатируется на всех временных этапах ее изучения. Не явился исключением и многообразный опыт литературной критической практики известного американского компаративиста Дж.Х. Миллера. Приговор суждению о близости его размышлений на эту тему вынесет время. Можно констатировать единственное – не многие современники удостоены столь значительного внимания своей выраженной точки зрения на протяжении не первого десятилетия. Не учесть ее, по крайней мере, было бы профессионально не компетентно. В целом, новизна миллеровского восприятия Викторианской художественной прозы (начиная с 1955 г.) встретила мало столь же ярких и оригинальных критических (дидактически разъясняющих) прочтений наследия этой классической эпохи, которые перебили и затмили, оставив в XX ст., этот опыт.

Список использованной литературы

1. Miller J.H. Charles Dickens: The World of his Novels / J.H. Miller. – Cambridge (Mass.): Harvard Univ. Press, 1958. – 346 p.
2. Miller J.H. Fiction and Repetition: Seven English Novels / J.H. Miller. – Cambridge (Mass.): Harvard Univ. Press, 1982. – 250 p.

¹Miller J.H. Ariadne's Thread: Story Lines / J.H. Miller. – New Haven-London: Yale Univ. Press, 1992. – XVIII, 280 p. – P. 98. Этот отрывок впервые появился в 1979 году в статье «The Function of Rhetorical Study at the Present Time» [5] («Функция риторического изучения в наше время») и далее был перепечатан в «Theory Now and Then»(213).

3. Miller J.H. The Disappearance of God: Five Nineteenth Century Writers / J.H. Miller. – Cambridge (Mass.)-London: The Belknap Press, 1975. – IX, 367 p.
4. Miller J.H. The Form of Victorian Fiction: Thackeray, Dickens, Trollope, George Eliot, Meredith and Hardy / J.H. Miller. – Notre Dame-London: Univ. of Notre Dame Press, 1968. – XII, 151 p.
5. Miller J.H. The Function of Rhetorical Study at the Present Time / J.H. Miller // The State of the Discipline, 1970s-1980s: Spec. issue of ADE Bulletin. – 1979. – № 62. – P. 10–18.
6. Miller J.H. Theory Now and Then / J.H. Miller. – Duke Univ. Press, 1991.
7. Miller J.H. Thomas Hardy: Distance and Desire. – Cambridge (Mass.): Harvard Univ. Press, 1970. – XVI, 282 p.
8. Miller J.H. Victorian Subjects / J.H. Miller. – Hertfordshire, 1990. – XII, 330 p.

У статті демонструється один з неоднозначних поглядів щодо підходу до інтерпретації класичної спадщини вікторіанської епохи. Було здійснено спробу показати на прикладі дослідження вікторіанської літератури сутність інтерпретаційної тактики та динаміки Дж.Х. Міллера як критика в цілому.

Ключові слова: вікторіанські дослідження, інтерсуб'єктивність, критика свідомості, реконструкція, риторичне прочитання.

One of the most diverse assumptions to the classical heritage of the Victorian epoch interpretation was represented in the article. The nature of the interpretative tactics and J.H. Miller's dynamics as a critic in general were presumed to be illustrated with the Victorian literature studies.

Key words: victorian studies, intersubjectivity, criticism of consciousness, deconstruction, rhetorical reading.

Надійшло до редакції 8.02.2011.